

ного и духовного развития, когда правовое сознание начинает играть ведущую роль в системе форм общественного сознания, как ранее играли мифология (в эпоху становления соционормативной регуляции), потом религия (в древности и средние века), а затем в новое время – моральные (нравственные) воззрения [4, с. 83]. В современном обществе, где наиболее важные с точки зрения государства общественные отношения, поддающиеся внешнему контролю, урегулированы нормами права, но в то же время многие из них находятся в сфере действия морали, религии, обычаев, именно состояние правосознания в его социальном аспекте позволяет проанализировать эффективность государственного управления и контроля с позиций всей системы соционормативного регулирования и охарактеризовать степень принятия или непринятия обществом правовых установлений с учетом иных социальных регуляторов.

Аналогичным образом можно рассматривать рефлексивную (связанную с интеллектуальным самоконтролем и процессами самосознания) и творческую функции, содержание которых освещается в отдельных научных изданиях [1, с. 32].

Таким образом, социальная и личностно-ориентированная направленность функций правосознания может служить, на наш взгляд, самостоятельным основанием для их классификации.

Библиографические ссылки

1. Абрамов, А.И. Функции правосознания и их роль в реализации функций права / А.И. Абрамов // Правоведение. 2006. № 5.
2. Ильин, И.А. О сущности правосознания / И.А. Ильин. М. : Рапортъ, 1993.
3. Теория государства и права : курс лекций / Н.И. Матузов [и др.] ; под ред. Н.И. Матузова, А.В. Малько. М. : Юристъ, 1997.
4. Нерсесянц, В.С. Философия права : учеб. для вузов / В.С. Нерсесянц. М. : Норма: Инфра-М, 2000.
5. Шаповалов, И.А. Некоторые теоретические аспекты формирования российского правосознания / И.А. Шаповалов // Государство и право. 2005. № 4.
6. Юрашевич, Н.М. Правосознание и право: общность и различия / Н.М. Юрашевич // Государство и право. 2005. № 7.

А.А. Козел, профессор кафедры философии Академии МВД Республики Беларусь, кандидат философских наук, доцент;

В.И. Ковдерко, адъюнкт научно-педагогического факультета Академии МВД Республики Беларусь

ТЕОРИЯ ОТРАЖЕНИЯ В ФИЛОСОФИИ И КРИМИНАЛИСТИКЕ

Рассматривается теория отражения как один из важнейших разделов материалистической философии и ее роль в гносеологии и философии сознания, а также в контексте расследования преступлений. Обосновывается мнение о существовании теории криминалистического отражения как методологической основы криминалистики и подчеркивается необходимость ее дальнейшей детальной разработки. К основным категориям этой теории отнесены понятия материального, интеллектуального и социального отражения. Подчеркивается значение теории криминалистического отражения для выявления и расследования латентных преступлений.

Известно, что теория отражения является одним из важнейших разделов материалистической философии. Она раскрывает сущность диалектико-материалистического взгляда на отношение мышления к бытию, предлагает материалистическое решение основного вопроса философии. Вместе с тем и в идеалистической философии еще с эпохи античности проблеме отражения уделялось много внимания. Наиболее полно она представлена и решена уже Платоном, у которого земной мир – это отражение мира идей, правда, искаженное. Проблема отражения не потеряла своей актуальности и сегодня. В этой связи в философской литературе ей посвящены многочисленные исследования, в рамках которых рассматриваются как теория отражения в целом, так и отдельные ее аспекты. Формы отражения в живой и неживой природе настолько многочисленны и многообразны (так как зависят от конкретных особенностей объектов), что трудно это многообразие уложить в сколько-нибудь стройную систему, если не найти правильного подхода к пониманию самого феномена отражения, поэтому специальным предметом многих исследований стал анализ сущности всеобщего свойства материи, что позволило рассматривать отражение как философскую категорию. Ее исследованию посвящены работы не только философов, но и социологов, математиков, криминалистов: Р.М. Айдиняна, И.Д. Андреева, Р.С. Белкина, Г.А. Давыдовой, Н.И. Жукова, В.В. Игошина, Ф.Ф. Кельсина, А.Н. Колмогорова, В.Г. Коломацкого, В.Е. Корноухова, В.И. Корюкина, М.А. Кремень, Н.Н. Ладыгиной-Котс, В.А. Образцова, И.П. Павлова, Т.Д. Павлова, К.К. Платонова, Э.А. Самбурова, М.Я. Сегая, В.П. Туга-

ринова, Г.Х. Шингарова, А.В. Шмакова и др. В работах авторов, исследующих проблему отражения с позиций диалектического материализма, в основном последовательно проводится точка зрения на отражение как всеобщее свойство материального мира.

Немаловажное значение придается отражению в гносеологии, так как познание часто определяется как отражение в сознании человека предметов, явлений материального мира, их свойств, связей и отношений [1, с. 7]. Также свойство отражения является важнейшей методологической основой исследования проблемы сознания. Наиболее глубоко проблема отражения исследована в марксистской философии, где оно рассматривается в качестве свойства всей материи.

Принцип отражения мира является дальнейшей конкретизацией принципов взаимодействия материальных систем, преемственности их развития и причинности. Данный принцип может быть сформулирован и несколько шире, чем обычно принято. В философской литературе говорится как о принципе отражения, так и о принципе познаваемости мира. Как справедливо было замечено в свое время В.П. Тугариновым, «понятие отражения создано не только для того, чтобы фиксировать определенную форму отношений между явлениями (онтологический план отражения), но и для того, чтобы дать основу для раскрытия гносеологического отношения между первичным и вторичным, что особенно важно для понимания высших форм отражения – понятия отражения вообще. Но гносеология в целом и по существу своему есть учение об отражении материи сознанием, субъектом» [9, с. 32].

И.Ф. Лукьянов определил отражение как философскую категорию для обозначения внутренне присущего объективной реальности свойства относительно устойчиво сохранять изменения структуры в процессах взаимосвязи и взаимодействия [8, с. 128]. Категория отражения, таким образом, раскрывается посредством системы категорий «свойство», «объективная реальность», «относительная устойчивость», «сохранение», «изменение», «структура», «процесс», «взаимосвязь», «взаимодействие».

Присущее всей материи свойство отражения по-разному проявляется на уровне неживой и живой природы. В ходе эволюции живых организмов менялся, естественно, и характер отражения, которое в результате достигло высшей формы, т. е. сознания человека. Общепринятая трактовка сознания определяет его как свойство высокоорганизованной материи: человеческого мозга, состоящее в идеальном отражении субъектом объективного мира [9, с. 33].

Для неживой материи свойством, «родственным» ощущению и выполняющим функцию отражения, является способность предметов органического мира взаимодействовать друг с другом, определенным образом реагировать на изменения в окружающей среде и самим изменяться в соответствии с тем, какому внешнему воздействию они подвергаются. Это свойство неорганической материи и явилось предпосылкой возникновения ощущений в процессе длительного развития неживой природы и превращения ее в живую материю. Простейшей формой отражения в органическом мире является изменение телами своих свойств в результате их механического взаимодействия. Например, когда два движущихся тела сталкиваются друг с другом или движущееся тело сталкивается с покоящимся, то каждое из них определенным образом отреагирует на это столкновение, отразит те или иные свойства и состояние взаимодействовавшего с ним предмета и может получить часть энергии другого предмета или отдать часть своей энергии, может изменить направление или скорость своего движения, получить механическую деформацию и т. д. Простейшей формой отражения в неорганической природе является и взаимодействие как однородных полей, например магнитных, так и разнородных, например магнитного и гравитационного, в результате которого каждое из этих полей претерпит определенные изменения. Это же можно сказать и о взаимодействии химических элементов, когда они вступают в реакцию с другими элементами и вследствие этого часто коренным образом меняют свои свойства в зависимости от того, с какими элементами они взаимодействуют. Каким бы воздействием ни подвергался предмет, он, как правило, претерпевает изменения своеобразно своей собственной природе. Но эти изменения происходят под непосредственным влиянием действия на него других предметов, а потому в этих изменениях есть нечто такое, что привносится воздействующими предметами. Способность материальных тел подвергаться изменению в результате действия друг на друга и есть простейшая форма отражения [1, с. 9].

Между живой и неживой природой, как свидетельствует естествознание, нет пропасти, они имеют много общего. А если так, то присущее всей материи свойство отражения при соответствующих условиях вполне может развиться в ощущение. Ведь живой организм есть не что иное, как та же материя, находящаяся на высшей ступени развития, но эволюционировавшая из низших ее форм. Химический состав органической и неорганической материи в основном один и тот же: в составе живых организмов не обнаружено ни одного элемента, который бы отсутствовал в неорганической материи. Живой организм постоянно взаимодействует с окружающей его живой и неживой природой.

Отражение тесно связано с такими категориями, как «причина» и «следствие». Отражение суть следствие внешних воздействий на объект, на отражающее. Однако оно не тождественно следствию, поскольку изменение, движение, развитие объекта происходит под действием не только внешних процессов, но и внутренних сил, есть результат двух групп причин – экзогенных и эндогенных. Можно сказать, что всякое отражение есть следствие, но было бы неверным любое следствие считать отражением.

В результате внешних воздействий в отражающем воспроизводится пространственно-временная структура этих воздействий, что делает отображение сходным с ощущением (но не тождественным ему).

Болгарский философ Т.Д. Павлов указывал, что отражение должно рассматриваться не только как результат воздействия внешних сил, не только как отображение, но и как процесс, как «актуальное отражение», сторона внешнего взаимодействия, относящаяся к отображаемому. В этом случае отражение будет иметь трехчленную структуру – воздействие отражаемых тел окружающей среды, отображение как результат этих воздействий, в котором как-то воспроизводится пространственно-временная структура указанных воздействий, и ответное действие отображающего на целый ряд окружающих тел, процессов, среди которых отражаемые явления могут отсутствовать (и, разумеется, наоборот, так что не всегда имеются в наличии все три стадии процесса отражения). Иначе говоря, как подчеркивают Г. Гиринов, А.М. Коршунов, Г.Ф. Шаповалов, отражение – это и отображение, и отношение, которое на уровне социального отражения предполагает творчество. Впрочем, в литературе термин «отражение» часто употребляется в обоих смыслах [7, с. 37].

Очевидно, что и отображение, и ответное действие отражающего есть итог, следствие двойной детерминации, так как внешние воздействия всегда преломляются через призму внутренних особенностей объекта. Правда, ответное действие бывает настолько малым, что часто не учитывается (в случае действия измерительной аппаратуры и других подобных ситуациях).

Следует иметь в виду, что различие отражения как процесса и как результата не абсолютно, а относительно. Отражение как результат, как отображение не есть нечто абсолютно статичное, синхронное, поскольку речь идет об изменении. В свою очередь, процесс отражения – тоже результат некоторого мысленного огрубления, вычленения того существенного, что характеризует отражение как таковое. Процессом в полном смысле этого слова является, конечно же, взаимодействие во всей его полноте и многообразии, а не часть этого взаимодействия, относящаяся к отображаемому. Таким образом, только в первом приближении мы можем считать отображение лишь результатом, а отражение – лишь процессом; в действительности же отображение не сводится к результату, не свободно от элементов процессивности, диахронии, а отражение как процесс не свободно от элементов огрубления, а значит, элементов синхронии, статичности [7, с. 39].

Существенно и то, что указанные структурные элементы процесса отражения, как правило, перекрывают друг друга во времени. Не следует считать, что вначале полностью заканчивается прямое воздействие, затем начинаются и заканчиваются изменения в отображающем объекте (отображение) и лишь тогда происходит ответное действие. Все происходит гораздо сложнее: процесс взаимодействия обычно протекает непрерывно, взаимодействующие объекты действуют друг на друга не поочередно, а более или менее одновременно, так что каждый из них выступает и отражающим и отражаемым.

Из факта огрубления изучаемого в аспекте отражения объекта следует, что для более адекватного его понимания отражательный аспект недостаточен и с необходимостью должен дополняться другими аспектами изучения объекта действительности, в частности аспектом взаимодействия. Иначе говоря, стадия анализа должна дополняться стадией синтеза. Только тогда можно надеяться на полное и глубокое представление об исследуемом объекте. Объект в ходе его анализа рассматривается прежде всего со стороны субстрата (вещественного состава) и структуры, т. е. сам по себе, вне связи с другими явлениями. Однако тела природы не существуют изолированно, а, как неоднократно отмечается, находятся в окружении целого ряда явлений, со многими из которых взаимодействуют. Следовательно, указанный аспект обязательно должен дополняться аспектом взаимодействия. При этом каждое из пары взаимодействующих явлений необходимо рассматривать и как отражающее, и как отражаемое. Только в результате последующего синтеза всей полученной аналитическим путем информации можно получить достаточно полное представление об изучаемом объекте.

Познание человека всегда начинается с того, что сначала охватывается объект в целом, затем поочередно мысленно выделяется каждый из элементов этой системы, переходя к изучению их в субстратно-структурном и отражательном планах, и лишь после этого вновь возвращается к первоначальному подходу, но теперь уже на новом, более высоком уровне, с учетом связей и элементов всей этой системы. Объект, таким образом, исследуется в трех аспектах – в субстратно-структурном, отражательном и взаимодействии. Примечательно, что отражательный аспект не совпадает с гносеоло-

гическим. С одной стороны, он шире гносеологического, выступающего как разновидность отражательного, с другой – уже, так как исследование объекта в любом аспекте предполагает адекватное отображение его в сознании человека, а значит, в гносеологическом аспекте отображается и отражательный аспект (отражение отражения) [7, с. 40–41].

Понятие отражения взаимосвязано с понятием информации, являясь по объему более широким. В схематичном изображении соотношение объемов рассматриваемых понятий белорусский философ Н.И. Жуков представил в виде трех кругов, больший из которых соответствует актуальному отражению, средний – актуальной информации, а меньший – сознанию. Соотношение между ними таково, что актуальная информация суть функциональное отражение (точнее, важнейшая его сторона), а сознание есть высшая форма актуального отражения, высший вид информационных процессов, в котором и через которое природа познает самое себя [7, с. 141]. Соотношение указанных трех понятий дает представление и об их исторической последовательности возникновения: если актуальная информация возникла вместе с жизнью на Земле, а становление сознания – продукта общественных отношений – связано с выделением человека из животного мира, то отражение всегда было присуще всей материи, всем объектам, в том числе неживой естественной природы.

Таким образом, философская теория отражения является методологической основой для многих наук, в том числе для криминалистики. В настоящее время активно ведется процесс формирования теории криминалистического отражения в системе частных криминалистических теорий, но бесспорным является вклад, внесенный Р.С. Белкиным в разработку ее основ. В 1969 г. вышла в свет написанная им в соавторстве с А.И. Винбергом монография «Криминалистика и доказывание». В гл. 4 этой книги «Информация, криминалистика, доказывание», как указал впоследствии Р.С. Белкин, им впервые предпринята попытка «уяснить для себя роль, которую играет категория отражения в криминалистической науке». Следующим шагом в этой области стала работа «Ленинская теория отражения и методологические проблемы советской криминалистики» [5]. Некоторые результаты исследований были изложены в главе, подготовленной в соавторстве с А.И. Винбергом монографии «Криминалистика. Общетеоретические проблемы» (1973). Глава так и называлась: «Проблема отражения и ее криминалистический аспект». В последней своей работе «Криминалистика: проблемы сегодняшнего дня» (2001) Р.С. Белкин выделил три «кита» криминалистики – отражение, след и образ. При этом он отмечал, что «понятие следа – одно из центральных в криминалистике» [3, с. 60]. Р.С. Белкин указывал, что категория отражения служит философским фундаментом криминалистической науки. Будучи положенной в основу возникновения следов («отпечатков») преступного события, оно обуславливает закономерности выявления и расследования преступлений. Эта деятельность представляет собой переход от одной формы отражения к другой, от одного ее уровня (когда в результате «физического» отражения возникают следы преступления, содержащие информацию о нем и его участниках) к другому – «психологическому» отражению, когда информация становится «достоянием» субъекта доказывания. Причем второй уровень рассматривался Р.С. Белкиным не как нечто отличное от отражения, а как его высшая психическая форма [4]. Аналогичная позиция высказана и А.Р. Белкиным, который определяет отражение как взаимодействие материальных тел или как результат этого взаимодействия» [2], т. е., используя понятие «материальное тело» во множественном числе, А.Р. Белкин подразумевает, что для отражения нужны два объекта, а значит, он также не рассматривает необходимость исследования отражения иного уровня, нежели физического – психического (психологического, интеллектуального – независимо от используемого термина речь идет об отражении события преступления в сознании человека). Аналогичный подход прослеживается и в работах других ученых-криминалистов, влияние на исследования которых, вероятно, оказало мнение Р.С. Белкина о том, что «отражение в живой природе, в принципе, менее значимо для криминалистической науки, хотя и не игнорируется ею. Что же касается высшей, психической формы отражения – в сознании человека, то она... требует отдельного рассмотрения» [3, с. 52]. Таким образом, исторически развитие теории криминалистического отражения связано со слеодообразованием – образованием материальных следов, то есть с теми механическими, физическими, химическими взаимодействиями материальных тел, которые приводят к изменению материальных объектов в ходе осуществления преступной деятельности.

Р.С. Белкин никогда не использовал термин «криминалистическая теория отражения», полагая, что теория отражения относится к философии и в силу высокой степени общности изучаемых в ней закономерностей не может иметь особенностей, обусловленных применением ее положений в прикладной науке. Для указания на криминалистические стороны отражения автор предпочитал термин «теория слеодообразования» [10]. Но наука криминалистика находится в постоянном движении, которое сопровождается развитием ее теорий, формирование которых и опре-

деяло становление криминалистики из комплексов практических умений и навыков в самостоятельную науку [6]. Указывая на это, А.В. Дулов ставит под сомнение существующий перечень частных криминалистических теорий и говорит, что назрела «настоятельная необходимость сформировать другую систему теорий криминалистики, которая полностью отражала бы действительный уровень современного состояния этой науки», отмечая, что «теория – это постоянно действующий, развивающийся, совершенствующийся продукт науки» [6, с. 131]. Если Р.С. Белкин не рассматривал теорию отражения в качестве частной криминалистической теории, то А.В. Дулов указывает на необходимость разработки теории криминалистического отражения с целью формирования и реализации методологических основ криминалистики, составляющих основу для всех других групп теорий и определяющих основные направления общего развития науки криминалистики [6]. В отличие от Р.С. Белкина А.В. Дулов обозначает необходимость формулирования данной теории, включения ее в систему частных криминалистических теорий и ставит перед ней задачу расширять возможности ее применения, то есть не ограничиваться лишь исследованием вещественных доказательств. Под этим понимается необходимость исследования не только отражения материальных объектов, но и формирования понятий интеллектуального и социального отражения, изучения закономерностей данных видов отражения, корреляционных зависимостей, возможностей их использования в практической деятельности по борьбе с преступностью, что позволит четко сформировать теорию криминалистического отражения в системе частных криминалистических теорий.

Необходимость формирования и дальнейшей разработки теории криминалистического отражения обусловлена возникновением в практике борьбы с преступностью потребности в новых теоретических обобщениях и объяснениях тех или иных сторон объективной действительности, связанных с преступностью как социальным явлением, в новых средствах и методах борьбы с нею. Под этим понимается борьба с латентными, трудно выявляемыми и сложными с точки зрения процесса доказывания преступлениями, к которым с полной уверенностью можно отнести коррупционные преступления. Специфика коррупции состоит и в том, что сложность составляет именно выявление самого правонарушения, так как на сегодняшний день практические органы не обладают достаточной информацией о закономерностях отражения преступной деятельности данного вида в окружающей среде. Данные криминальные деяния не оставляют видимых результатов, скрытым остается механизм их совершения, что обусловлено как спецификой субъекта данного вида преступлений, так и обстановкой протекания противоправной деятельности, которая часто проявляется через множество отдельных эпизодов, каждый из которых порождает системы материальных, интеллектуальных и социальных отражений. При совершении коррупционных преступлений взаимодействие элементов механизма преступления во многом специфично, так как взаимодействие реализуется через функции должностного лица. Функции определяют, как субъект связан с объектом, как он воздействовал или мог воздействовать на него, при помощи каких средств, т. е. они могут выступать как форма связи с объектом, как средство или цель воздействия. Изучение закономерностей интеллектуального отражения коррупционером своей противоправной деятельности позволит разработать тактические приемы преодоления противодействия с его стороны.

Таким образом, сформулированные в рамках теории криминалистического отражения понятия не только материального (которому всегда уделялось достаточно внимания учеными-криминалистами, в том числе в теории о механизме следообразования), но и интеллектуального, а выражаясь языком философии – идеального отражения (причем здесь стоит понимать отражение события преступления как самим лицом, совершившим преступление, так и лицом, осуществляющим уголовное преследование, например, следователем, а также обществом в целом), изучение закономерностей данных видов отражения позволит разработать теорию выявления и расследования латентных преступлений, что внесет существенный вклад в систему мер по противодействию преступности в целом.

Библиографические ссылки

1. Андреев, И.Д. Пути и трудности познания / И.Д. Андреев. М. : Моск. рабочий, 1968.
2. Белкин, А.Р. Теория доказывания в уголовном судопроизводстве / А.Р. Белкин. М. : НОРМА, 2005.
3. Белкин, Р.С. Криминалистика: проблемы сегодняшнего дня. Злободневные вопросы российской криминалистики / Р.С. Белкин. М. : НОРМА, 2001.
4. Он же. Курс криминалистики : учеб. пособие для вузов по юрид. специальностям / Р.С. Белкин. М. : Закон и право, 2001.
5. Он же. Ленинская теория отражения и методологические проблемы советской криминалистики / Р.С. Белкин. М. : Высш. шк. МВД СССР. 1970.
6. Дулов, А.В. Методологические теории криминалистики / А.В. Дулов // Вестн. Акад. МВД Респ. Беларусь. 2008. № 1 (15).
7. Жуков, Н.И. Проблема сознания: Философские и специально-научные аспекты / Н.И. Жуков. Минск : Унив., 1987.

8. Лукьянов, И.Ф. Сущность категории «свойство» (значение для исследования проблемы отражения) / И.Ф. Лукьянов. М. : Мысль, 1982.
9. Самбуров, Э.А. Взаимосвязь категорий диалектики: Анализ общей структуры и тенденции развития / Э.А. Самбуров. М. : Наука, 1987.
10. Толстолуцкий, В.Ю. Закономерности криминалистической теории отражения, присущие субъективному этапу / В.Ю. Толстолуцкий // Вестн. Нижегород. ун-та им. Н.И. Лобачевского. 2008. № 2.

В.И. Павлов, заместитель начальника кафедры теории и истории государства и права Академии МВД Республики Беларусь, кандидат юридических наук, доцент

МЕТАФИЗИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ УЧЕНИЯ О ЮРИДИЧЕСКОМ КОНФЛИКТЕ В ФИЛОСОФИИ ДРЕВНИХ ГРЕКОВ (СОКРАТ, ПЛАТОН)

Рассматриваются метафизические основания актуального междисциплинарного научного направления – юридической конфликтологии. Обосновывается позиция, согласно которой все современные юридико-конфликтологические теории по своей методологической направленности восходят к метафизическим разработкам, осуществленным в основном в древнегреческой философии. Делается вывод, что классики античной мысли (Сократ, Платон) решение насущных политико-правовых проблем всегда ставили в зависимость от метафизических оснований конфликтности как таковой, которая задавалась именно метафизикой, а не политической прагматикой.

Существенным недостатком современной правовой науки является ее слабая обращенность к своим методологическим основаниям, которые всегда формируются в недрах более глубокого пласта знаний – метафизике. Особенность последней заключается в том, что в ее области обычные и так нам привычные сегодня эмпирические методы познания, направленные на конкретный практический результат (а для современной юриспруденции это стало чуть ли не единственным критерием истины), не применимы. Юриспруденция сегодня не чувствует метафизику, опасается ее, старается обойти стороной. Это порождает серьезные негативные последствия, выражающиеся в отсутствии методологической ориентации исследователя-правоведа и приводит к тому, что юридическое исследование утрачивает свою телеологичность и методологическую определенность. Ученый не понимает движения правового фундамента, глубинного пласта принципов, целей, многосвязанных каналов, имплицитно изменяемых вследствие экспериментальных перемещений в более верхних слоях знания (в основном отраслевого характера). Так, например, многие юридические заимствования (в основном в форме различных предложений по совершенствованию законодательства) из западного правового пространства, казалось бы, эффективно отточенные в национальных правовых системах западноевропейских государств, начинают давать сбои на нашей почве и приносить совершенно иные практические результаты. Вот почему небезопасно заниматься отраслевыми разработками при отсутствии методологической определенности исследования, лежащей, безусловно, в области метафизики.

Сегодня отечественная юриспруденция во многом использует советскую методологическую парадигму, отбрасывая от нее материалистический придаток. Вместе с тем следует понимать, что диалектическая система также имеет свои ограничения, вытекающие из метафизической специфики данного способа познания. Укажем лишь на то, что системно-диалектический формат исследования в том виде, в котором он обычно применяется, редуцирует очень важную и, пожалуй, самую серьезную проблему современного мира – проблему человека, прежде всего «внутреннего человека», его сознания. А эта проблема, как отмечает С.С. Хоружий, является центральным антропологическим событием современности: «человека рубежа тысячелетий, времени психоанализа и интернета, недавнего тоталитарного опыта, радикальных психотехнических, психоделических, виртуальных практик, гендерных революций – этого человека нельзя считать прежним классическим субъектом европейской антропологии и метафизики» [12, с. 14]. В государственно-правовой сфере мы имеем дело с аналогичным принципиальным сдвигом в сторону постнеклассического «правового человека», субъекта права, следовательно дальнейшее развитие отечественной правовой системы должно выстраиваться на ясном понимании фундаментальных оснований ее бытия, на адекватной методологической картине происходящего, что только и можно сделать в оптике метафизики.

В настоящей публикации мы рассмотрим метафизические основания конфликтности в правовой сфере, которая сегодня, с одной стороны, действительно интенсивно проявляется в государственно-правовой области, и на которую, с другой стороны, переносится ценностный акцент в смысле нор-